

Стены Тульги были залиты кровью и завалены трупами. Извечная слабость Ханства — отсутствие обученной пехоты в войске, привыкшем налетать, сметать не успевших развернуться, брать рабов и уходить — никогда ещё не играла настолько против степных воинов.

Лучники пустыни не уступали своим северным соседям в мастерстве — а в отряде, вставшем в осаду богатейшего города Ханства, они были приучены стрелять по команде туда, куда указывают командиры отрядов. И концентрация огня на отдельных участках стены делала своё дело — степные доспехи не могли сдержать удар тяжёлых стрел, предназначенных для поражения родокцев и свадийцев с их кольчугами. А с поднимающихся за осадной башней помостов вели огонь арбалетчики, обученные «с нуля», из крестьян обоих полов, оставивших мирную жизнь... в которой они были добычей любого феодала, пожелавшего разграбить деревню. Залпы тяжёлых болтов сметали занявших стены уланов — единственных в войске Степи воинов, носящих тяжёлые доспехи.

Под прикрытием опустошающего огня осадная башня подкатилась к выбранному нападающими участку стены — и по ней на древний камень торгового и работоргового города хлынули спешенные сарранидские мамлюки, закованные в тяжёлые латы воины с тяжёлыми булавами и скимитарами. Но во главе этой бронированной орды — неслыханно! — шла женщина. Невысокая женщина в переделанном под женскую фигуру мамлючьем доспехе, с рыцарским щитом и длинным мечом.

Степняки, ещё пытавшиеся сбросить со стен нападавших, падали один за другим. Кто с проломленным булавой черепом, кто со стрелой или арбалетным болтом в груди, кто — с разрубам от ударов мечей. Достаточно широкий участок гребня оказался очищен от защитников живущего традициями города — и на него взошли стрелки. Лучники и арбалетчики под командованием ещё одной женщины — в тяжёлой кольчуге, закрытом шлеме-бургильоте с гребнем и с длинным луком. Лестницы, по которым на стены пытались подняться новые защитники, оказались под кинжальным огнём, распределённым по тем участкам, что лучше всего простреливались — и уже скоро оставшихся без пополнения защитников Тульги вырезали. Пустынная мечница, которую некоторые из видевших бой узнали — наёмница, получившая в поношение всех традиций Кальрадии рыцарский титул и лен от султана, прозванная за жестокость в бою Пустынной Ведьмой — повела своих пьяных от крови степняков бойцов вниз, на улицы, к казармам стражи.

А в казармах тем временем тоже лилась кровь. Женщины, взятые в услужение и для ублажения воинов за недоимки из окружающих город деревень и из бедных кварталов, знали, что к городу пришла первая женщина-рыцарь Кальрадии. Что в её войске служат и те, кто не пожелал покорно принимать традиционную женскую долю. Что она сама водит свои отряды в бой, заливаясь кровью по уши. И в тесных спальнях, где урывали минуты отдыха узаконенные рабыни степных воителей, уже давно шептались о том, что делать, если Пустынная Ведьма решит взять Тульгу.

В этот день шёпоты обрели плоть и кровь. Плоть отчаявшихся взять свою судьбу в свои руки женщин, обречённых служить подстилками для своих господ-степняков, и кровь получивших удар в спину городских стражников. Восставшие женщины для утех забирали оружие у своих ещё недавно господ, а ныне — беспомощных жертв, забитых камнями и бутылками в спину, и хлынули на улицы города безумным потоком ярости, накопившейся за годы рабского служения.

Волна стали и волна плоти встретились перед центральным донжоном выстроенного рабами-

вегирами замка, ворота которого открыли изнутри такие же бесправные «девочки для утех», надеющиеся стать частью новой Кальрадии — той, которую несёт на своём мече прибывшая из-за моря светловолосая женщина, пугающая мужчин Кальрадии старой. Встретились — и хлынули в неприметные двери для прислуги, указанные освободившимися женщинами из замковых рабынь. Короткая, безжалостная резня — и тяжёлые двери донжона открылись. Предводительница уже почти взявших город вступила в стены, в которых женщину видели только в качестве служанки, постельной услады или жены — что в целом не слишком различалось.

Никто не сказал бы, что Чаурка-нойон, владетель Тульги и предводитель сотен, сотрясающих копытами землю, не был отважен. И он лично вывел своих отборных воинов на узкие лестницы замка... чтобы рухнуть под закованные в тяжёлые латные сапоги ноги Пустынной Ведьмы с пущенным бывшей усладой замковых стражников арбалетным болтом в животе. А окровавленная женщина в латном доспехе даже не потратила времени на то, чтобы подарить врагу удар милосердия. Залитый кровью от острия до самой гарды меч с глухим, так непохожим на воспетый придворными поэтами «звон мечей» лязгом врубился в шею стоявшего за плечом собиравшегося бросить вызов на поединок нойона стражника. И новая кровь добавилась к той, что уже заливала и клинок, и державшую его руку, и всю фигуру Пустынной Ведьмы.

...Через час чёрное знамя с оседланной женщиной серебряным драконом взвилось над донжоном. На улицах ещё продолжались бои, часть городских стражников и воинов Степи сохранила верность мучительно умершему под ногами пустынников предводителю — но это уже ничего не меняло. Хергитское ханство лишилось Тульги — а Сарранидский султанат обрёл Тульгу новую. Тульгу, в страже которой будут служить женщины наравне с мужчинами. Тульгу, залитую кровью защитников, перемолотых жерновами военной машины Пустынной Ведьмы и восстания рабынь. Тульгу, что даже спустя сотни лет будет хранить верность императорскому дому — и в молельнях которой среди духов будет всегда звучать имя Кровавого Ангела. Ангела отверженных. Ангела, которую враги звали Пустынной Ведьмой.

<http://tl.rulate.ru/book/43910/1018830>